

Ardabayev Saken

Блогер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ardabayev Saken

Блогер

«Автор»

2026

Saken A.

Блогер / А. Saken — «Автор», 2026

Команда блогеров оказывается в центре неожиданного предложения о покупке роскошной виллы и масштабном медийном сотрудничестве. Обычная поездка превращается в напряжённые переговоры, где эмоции, стрим-аудитория и реальные деньги переплетаются в одну историю. На фоне моря, камер и растущего онлайн-внимания герои сталкиваются с выбором, который способен изменить их жизнь: остаться в привычной свободе или войти в мир больших контрактов, обязательств и миллионов долларов.

© Saken A., 2026

© Автор, 2026

Ardabayev Saken

Блогер

Глава 1

Город утонул в дождливой серости, а в его голове уже пульсировали тропические огни Паттайи. Каждый дождевой капель на стекле казался напоминанием: пора менять всё. Автобус делал последний поворот, и вот я уже в аэропорту Нур-Султана. «Гребанный президент коррумпированной страны», подумал я, выходя из автобуса. Ваш билет, услышал я от стоящего у прохода мужчины. Есть билет на балет? На трамвай билетов нет, пропел он, уверенный, что я уже в Паттайе. Но, не вдаваясь в подробности, он схватил меня, прижал к стеклу автобусной остановки. «Ну всё», подумал я, «моя поездка накрылась медным тазом». Раздался свисток, и вот меня уже ведут в отделение полиции аэропорта. Я не знал, что делать в такой ситуации в первый раз оказался в подобном месте. Как и все люди Земли, наверное. Представьте: вы улетаете за границу, у вас в кармане только деньги той страны, куда вы летите, и вас просят предъявить билет на автобус, в который вы сели в пылу эйфории. Итог: белые стены, два казаха-полицейских смотрят, не понимая, что со мной делать. Контролер возмущается: «Вот без билета в автобусе!» и ещё грубит. Я молчу и виновато смотрю в пол. Внешне я не хулиган ни капельки, но полицейские выжидают: они знают, что в аэропорт простые люди на автобусе не ездят. Они выслушали контролёра и задали конкретный вопрос: «Заявление писать будете?» Ошарашенный контролер понял, что ситуация вышла из-под его контроля: «Какой такой заявление? У меня маршрут, график можно я пойду, а вы сами разберётесь?» жалостливо улыбнулся. Полицейский только качнул головой и снисходительно произнёс: «У нас ваши данные есть, идите». Но меня уже «взяли в оборот». Опыт в подобных отделениях научил: говорить нельзя, можно только отвечать на вопросы. Видя, что я ни в чём не признаюсь, полицейские задали направляющий вопрос: «Куда летим?» Я молча достал билет в Бангкок и аккуратно положил перед капитаном. Он прочитал, прищурился, посмотрел мне в душу, словно хотел выдавить признание в предательстве родины. Я опустил глаза: Ага На билет скинулись одноклассники. Я простой бишарашек, живу на даче, работы нет. Простите меня. Наступила тишина. По канонам жанра меня должны были отпустить, но полицейские решили «дожать». Не зря же они носят погоны и мало получают. Содержимое карманов оказалось на столе. Я сразу вытряс рюкзак с плавками и летней одеждой, а затем блокнот и авторучку. Капитан отодвинулся, взял блокнот, прочитал и ничего не понял: записи не имели последовательности, были заметками о чужой жизни. Что это? спросил он. Хочу написать книгу, честно признался я. Он бросил блокнот обратно на рюкзак. Понимая, что с меня взять нечего и у них будут проблемы, если не отпустят, всё же спросил: А как будешь там жить в этой Паттайе? Тогда я понял: ни капитан, ни второй полицейский ничего не знают о загранике такие же, как и я, бишарашки. Там еду дают бесплатно, сказал я. Как это бесплатно? удивились полицейские. Я выдержал паузу и сказал более знакомое слово: «all inclusive». А-а-а, так бы и говорил! засмеялись они, услышав знакомое слово. Ну ладно, улетай и смотри, не нарушай, улыбнулись по-доброму, даже с завистью. Я собрал вещи и, сказав на прощанье «саламалейкум», неспеша вышел. Казахи любят, когда им говоришь на их языке. Я сел у стойки регистрации, до которой было ещё три часа. Приехал заранее, чтобы иметь запас времени на непредвиденные ситуации. «Больше никаких приключений, пока не перейдёшь границу», сказал я себе и стал ждать. Я умею ждать этому меня научила жизнь. Наконец прозвучало объявление о начале регистрации. Я встал в очередь и прошёл регистрацию. Потом паспортный контроль и вот я уже в буферной зоне. Я заграницей. Поспешно сел, не доверяя своей памяти, достал дневник. Найдя оглавление, «перед посадкой» прочитал выдержки из чужой жизни, которые уже были там. Они рассказывали, что делать, как действовать и что у

других получилось. Я смело встал, закинул за плечи рюкзак и направился в дьюти-фри. Смешавшись с толпой улетающих, набрызгал на одежду приятных запахов. В записях было указано: чем больше ароматов тем «вкуснее» пахнешь. По ходу взял виски в пластике, объёмом меньше пол-литра, потом шоколадку. Сделал ещё один круг, сунул всё это в карман и вышел. Меня трясло, но я понимал: вокруг тысяча туристов, а среди них есть те, кто просто берёт то, что нужно, и выходит, не расплачиваясь. Максимум, что может случиться придётся вернуть товар. Я прошёл в конец зала, обернулся погони нет. Сел, важно открыл бутылку, отпил, потом поспешно раскрыл шоколадку и закусил. Мне стало хорошо. План работал. Я всё делаю правильно. Правильно, как гласит пословица: нужно учиться на чужих ошибках и чужом опыте. Я выждал час, спрятал награбленное в рюкзак и снова пошёл в дьюти-фри. Поток людей. Вечер. Кто меня запомнит? Я ходил неспеша, выбирал спиртное. Незаметно сползла лямка рюкзака я снял его с плеч, взял в руку. Продавцы-консультанты увлечены серьёзными покупателями. Я уже примелькался. Закинул литровую бутылку виски в рюкзак, затем большую шоколадку, пару пробников духов, не читая названия, и ещё бутылку водки. Рюкзак тяжелеет. Подхожу к кассе, становлюсь в очередь. А тут Эльдorado, полка с чекушками различных спиртных напитков. Набивая полный рюкзак этой мелочью, стоя в очереди, громко произношу больше для себя, чем для других, которым без разницы, кто я и чем занимаюсь. Надо билет взять у жены. Выхожу из очереди и иду к посадке. Меня никто не окрикает. Я дохожу до ближайшего ряда сидений и сажусь. Лениво осматриваю стоящих в очереди, ноль эмоций. Меня никто не заметил. Ноги трясутся, сердце стучит, а я сижу и жду. Я умею ждать этому меня научила жизнь. Наконец объявили посадку. Я иду с тяжёлым рюкзаком и сажусь в самолёт. Всё. Я улетаю.

Глава 2

Это мой первый полёт. Я волнуюсь. Нахожу своё место и сажусь, аккуратно ставлю рюкзак у ног и замираю. Народ проходит, кидает чемоданы на верхние полки и рассаживается. Самолёт полон, люди идут и уходят. Подходит девушка, вертит в руках билет: Ваше место у окна, заявляет она мне. Я в растерянности. Она читает это в моих глазах: Тогда я сяду на ваше место, бесцеремонно заявляет она. Я встаю, она идёт к окну, довольная своей удачей. Сев, произносит учтиво: Можете положить мой чемодан на полку? Я поднимаю чемодан и обнаруживаю, что все полки заняты, а народ идёт мимо. Я сажусь. Девушка недовольно смотрит на меня и держит чемодан у себя в руках. Я отворачиваюсь, не выдерживая её презрительного взгляда. Поток людей заканчивается. Подходит стюардесса, берёт чемодан девушки и уходит. Я иду следом. Она закидывает чемодан в свободную ячейку за четыре ряда от нас. Я запоминаю и, подойдя к девушке, сообщаю ей. Она заявляет: Сам принесёшь, если не смог уложить рядом. Стюардесса спрашивает про мой рюкзак, я киваю. Она берёт его бесцеремонно и тащит в конец самолёта. Я иду следом и нахожу рюкзак в предпоследней ячейке. Сажусь на свободное место и жду. Самолёт гудит, разворачивается. Возвращаться к девушке не хочется. Не таким я себе представлял первый полёт. Я замираю. Самолёт трясёт и вот мы отрываемся от земли. К горлу подкатывает ком, уши закладывает. Я лечу. Мне хорошо. В самолёте темно а мне хорошо. Пробуждаюсь от приятных запахов, жду. Приносят напитки. Беру томатный сок, он сохраняет железо в крови. Пью. Вижу на тележке вино, коньяк, пиво. Стюардесса ловит мой взгляд и спрашивает: Пиво, вино, водка? Коньяк, выскакивает у меня. Она присаживается, достаёт бутылку казахстанского коньяка и наливает мне полный пластиковый стакан, увидев во мне капризного пассажира. Я осторожно ставлю стакан на столик и жду, пока она уйдёт. Тележка уезжает. Я отпиваю коньяк он жжёт горло. Закусить нечем, сдерживаю позывы рвоты и замираю. Уши снова заложило. Стюардесса подходит и спрашивает, плохо ли мне. Я выдавливаю из себя, воды. Она уходит. Вижу, как они обсуждают меня между собой. Приходит стюардесса, приносит целую бутылку воды и стакан. Видимо, решили, что я их домогаюсь своими просьбами. Спасибо, искренне говорю я. Она кивает и уходит. Я запиваю неприятные ощущения в горле. И тут замечаю: я сижу один в ряду из четырёх мест. Открываю блокнот, читаю оглавление.

ние «Полет». «При полёте сразу надо пройти в конец самолёта и занять четырёхместные ряды, чтобы потом спать в полный рост». Понимаю, что немного запаздываю со своими событиями, читаю все главы Посадка, таможенный контроль, встреча. Успокаиваюсь. Я готов. Проехала тележка. Стюардесса спрашивает: Мясо? Рыба? Я думаю, что выбрать. В блокноте про это нет записей. Стюардесса молча ставит на мой столик две фольгированные коробочки, сверху поднос с картонной коробкой и даёт стакан воды, хотя рядом со мной лежит целая бутылка. «За кого они меня принимают? Может, кого-то спутали», подумал я. На мне дешевая куртка, такие же джинсы. Про обувь вообще молчу, но её не видно. Откидываю столик на соседнее сиденье и раскладываю еду. Я не ел с утра, но ем аккуратно, не спеша. Мне некуда спешить, я лечу в Таиланд, и ещё четыре часа полёта впереди. Понимаю, что всё не съем, прячу остатки под сиденье. Ставлю стакан коньяка тоже под сиденье. Потом, вспомнив про воздушные ямы и тряску, отпиваю с бутылки воды и сливаю коньяк туда. Закрываю плотно бутылку, выпиваю стакан воды, который принесла стюардесса, и ложусь на сиденье. Вытягиваю ноги, но они высовываются на проход. Я метр восемьдесят, а сиденье полметра. Считаю не сходится, но всё равно поджимаю ноги и засыпаю. Просыпаюсь. Темно. Летим. Хочу выпить. Встаю, открываю крышку багажного отделения, достаю рюкзак, сажусь. Он полный, искать открытую бутылку не хочу, беру маленький бутылёк. Темно, не вижу названия, но всё равно выпиваю. Горлышко тонкое, льётся медленно, но приятно глотаю. Алкоголь проваливается легко. Закрыв рюкзак, встаю, кладу его на место. Темно. Рука тянется и берёт другой рюкзак. Я сажусь. Все спят. Темно. Открываю рюкзак, шарю рукой, достаю бутылку виски и пакет с едой. Ложу на сиденье, закрываю рюкзак, встаю, кладу его на место. Беру в руки бутылку с водой, отпиваю противно. Это уже не вода, а смесь коньяка с водой. Морщусь, закрываю бутылку, ложу её на сиденье.

Я лечу. Мне хорошо. Алкоголь приводит меня в состояние лёгкого опьянения. Мне хорошо. Иду в туалет. Кабинка тесная, я вспоминаю рассказы бывалых, осматриваюсь и представляю, как здесь занимались сексом другие. Мне хорошо, и я выхожу. Прохожу мимо своей бутылки на сиденье. Люди спят в разных позах. Открываю полку темно. Чемоданы, чемоданы, а вот рюкзак. Беру его в руки, иду на своё место, сажусь и открываю рюкзак. Высыпаю его содержимое, шарю в темноте. Открываю женскую сумочку, достаю купюры. Беру половину, складываю обратно, оставив ещё коробочку духов. Встаю, кладу рюкзак на место, сажусь обратно. Складываю добычу и еду в пакет. Спать уже не хочется. Темно. Встаю, прохожу в другой отсек. Открываю крышку багажного отделения. Загорелась лампочка, я вздрогнул, но осматриваться не стал. Осматриваю чемоданы и сумки. Беру чемодан без замков и иду к себе. Понимаю, что в темноте ничего не увижу, но всё равно кладу его себе на колени и расстёгиваю молнию. Что-то падает на пол. Раскладываю чемодан как книгу, перебираю вещи. Беру шорты и футболки. В руки попадает планшет, откладываю, шарю дальше. Ничего интересного. Закрываю чемодан, встаю и иду на свет. Укладываю чемодан на место, закрываю крышку. Иду в туалет в середине самолёта. Кабинка побольше, но всё равно удивляюсь, как тут занимаются сексом. Выхожу и сажусь на место, укладываю вещи в пакет. Вспоминаю, что что-то упало, наклоняюсь и нахожу коробочку с безопасной бритвой. Хорошая добыча, сую в пакет. Загорается свет в салоне. Люди ворочаются. По рядам идёт стюардесса и раздаёт карточки, я уже знаю, что это миграционные карты. Жду, получаю свою, молча заполняю. Катится тележка, раздают завтрак: сэндвич и кофе. Мне не дают ничего лишнего. Всё, я стал обычным пассажиром. Это радует. Я лечу. Но свет гаснет, мы идём на посадку. Уши заложило. Я отпиваю из бутылки противно, это уже не вода. Допиваю холодный кофе. Стюардесса складывает за меня откидной столик. Самолёт гудит. Удар. Гул обратной тяги. Я хлопаю вместе с другими туристами. Мы радуемся, нас привезли в тропики. Выходим. За спиной полный рюкзак, в руке пакет. Но я помню о девушке. Достаю её чемодан и несую. Девушка шарит по салону испуганными глазами. Видит меня с её чемоданом, смущённо улыбается и говорит спасибо, обдав перегаром. Я думаю: «Наверное, у меня тоже запах изо рта», и иду молча.

Глава 3

Идём по коридору. Долго. Замечаю, что умные люди не просто идут их везёт дорожка. Пристраиваюсь к потоку, еду на резиновой дорожке. Стоя, обгоняю других туристов они смотрят мне вслед с завистью. Я горжусь собой. Поток сворачивает. Начинается возня, но у меня всё записано, я всё знаю. Достаю файл: фото, сканы обратных билетов, бронь отеля. Вкладываю туда миграционную карточку и иду к окошку. Офицер улыбается, видит, что я готов. Ставит штамп в паспорт и показывает, что я свободен. Я счастливый иду по коридору. Вот зал выдачи багажа, а за ним свобода. Сажусь у стенки и жду. Я умею ждать. Помню из блокнота, в главе «Багаж», было написано: «Бережёте тележку, укладываете чемоданы на неё и идёте к выходу. Там будет человек с вывеской «Апек Тоуг»». Смотрю на ленту: чемоданы крутятся, ожидая своих хозяев. Какие-то забирают раньше, какие-то позже, самые забытые откладывают в сторону служащие аэропорта. Смотрю на табло: «Франкфурт на Майне» не моё, думаю. Беру тележку, качусь дальше. «Дубай» мимо. «Нур-Султан» вот моё. Резиновый эскалатор молчит, он ещё не готов. Стою один. Сажусь и жду. Я умею ждать. Народ собирается. Я уже узнаю людей, с которыми летел, возможно, мы окажемся в одном отеле. Появились первые чемоданы. Туристы узнают свои вещи, укладывают их на тележки и довольные уходят из зала. Никто их не останавливает, не сверяет номера, никто ни о чём не спрашивает. Я встаю и иду назад. «Дубай», вижу надпись. Чемоданы стоят в стороне, ожидая своих хозяев, которые почему-то не спешат. Иду дальше. «Франкфурт». Так же стоят чемоданы, ровной линией, без хозяев. Дальше тупик. Я подхожу, кладу на тележку большой чемодан, выдавший виды, и чемодан поменьше, тоже непрезентабельный. «Смерть фашистам», подумал я и пошёл к выходу. Прохожу человека в форме. Он улыбается: Welcome Bangkok. Я улыбаюсь в ответ и выхожу. Вижу табличку «Апек Тоуг». Показываю ваучер отеля. Мне называют номер автобуса и указывают направление. Я иду по дорожке, на каждом повороте меня направляют и вот автобус № 5. Все багажные отсеки открыты. Я закидываю чемоданы. Никакого контроля. «Ну прям все честные», отмечаю про себя. Запоминаю этот момент. Но вдруг останавливаюсь. Отхожу к стене, наблюдаю. Записываю всё, что увидел. Меня зовут я сажусь. Мы поехали. Ехать не близко. Остановились у туалета сходил. Поехали дальше. И вот Паттайя. Наш отель. Туристы вываливаются из автобуса все довольные. Они туристы, они счастливы. Встречаюсь взглядом с той самой девушкой. Она недовольна тем, что мы в одном отеле. Я тоже отворачиваюсь и иду на ресепшен. Народу много. Ставлю чемоданы на видное место. С пакетом в руке и рюкзаком за спиной иду к пляжу. И вдруг понимаю что-то упустил. Возвращаюсь. Смотрю на чемоданы бирки. Конечно, фамилии. Срываю бирки. Теперь можно спокойно идти. Прохожу через забор, выхожу к деревьям. И вот он песок. За ним море. Подхожу к дереву, снимаю рюкзак. Шорты внизу не достать. Открываю пакет, ищу. Вытаскиваю шорты. «Пойдёт». Снимаю куртку, кофту, брюки, обувь, носки. Надеваю шорты поверх трусов и босиком иду к морю. И вот оно. Я в море. В первый раз. Оно окутывает меня тёплой водой. Солёной водой. Я ныряю и вынырываю уже другим человеком. Я турист. Плыть тяжело, быстро устаю. Иду к берегу. Волна бьёт в спину, будто выгоняет. Отстань, говорю я морю. Я тут надолго. Я на десять дней. Стою под деревом. Я знаю: первые два дня загорать нельзя чревато. С моря дует ветерок. Мои шорты развеваются и сохнут. Вокруг туристы разной степени загорелости. Я белый. Я новенький. Шорты высохли. Понимаю, что всё в руках не донесу. Одеваюсь обратно и иду в отель. Ресепшен почти пуст. Ко мне подходят, сверяют ваучер. Гид сообщает, что утром будет презентация, требует ответа, забирает паспорт. Я получаю ключ с биркой «560». Иду к номеру. За мной катят тележку с моими чемоданами. Открываю дверь. Вхожу. Ставят чемоданы. Таец улыбается. Я улыбаюсь в ответ. Он устает улыбаться и уходит. Я остаюсь один. Снимаю одежду, бросаю на пол. Я на отдыхе. У меня десять дней успею собрать. Иду в душ. Горячая вода. Шампунь пахнет приятно. Белые полотенца. Я впервые в отеле. Вообще впервые в чужом пространстве, где всё не моё но сейчас моё. Вытираюсь и падаю на кровать. Какая мягкая. Я в раю. И засыпаю. Просыпаюсь. В

окне день. Мне хорошо. Встаю, осматриваюсь. На стене телевизор. «Боже, как давно я не смотрел телевизор». Включаю. Два канала на русском. Беру чемодан. Открываю маленький. Вещи, вещи, партмоне. Открываю. Доллары. Я счастлив. Считаю. Три тысячи. Такую сумму я держу впервые в руках. Складываю обратно. Берусь за другой чемодан. Он закрыт. Замок надёжный. Кожаный, наверное дорогой. Я не умею вскрывать замки. Поэтому ломаю. Открываю. Снова вещи. Фен. Косметика. Компьютер. Это уже добыча. Разбрасываю вещи пусто. Сажусь. Смотрю. Начинаю складывать: ненужное в один чемодан, остальное по полкам. Привожу всё в порядок, как будто так и было. Убираю чемоданы в шкаф. Вытряхиваю пакет. Еду в холодильник. Там уже стоит бутылка воды. Отпиваю холодная, приятно. Ставлю обратно. Планшет на тумбу. Бритву в ванную. Одежду в шкаф. Футболку женскую беру, смотрю и отбрасываю. Ставлю рюкзак на стол. Раскладываю спиртное как на витрине. И вдруг достаю свои старые шорты и футболку. Смотрю на них. И с какой-то странной горечью бросаю на пол. Они мне больше не нужны. От такой работы я устал и проголодался. Достал еду, поел стало хорошо.

Глава 4

Одел футболку, шорты, сланцы. Партмоне положил в сейф, взял с собой триста долларов и вышел во двор отеля. В фойе обменник. Но я не спешу. Я знаю. Выхожу за территорию Pattaya Park, иду к улице. Вижу вывески «change». Смотрю курс 31. Мне нравится. В отеле 29. Меняю деньги. Получаю в руки почти десять тысяч бат. Я богат. Иду по улице. Мне хорошо. Возвращаюсь на торговую площадь, покупаю стакан сока манго. Сажусь на бетонную лавочку и пью. Как приятно. Сладкая, прохладная, густая жидкость ярко-жёлтого цвета наполняет меня живой влагой. День ещё в разгаре. Иду снова на улицу. Надписи на русском приятно. Надписи на английском тоже нормально, в школе учили. Каракули на местном не понимаю, но переживу. Иду дальше. Стоит мопед. На нём мужик в оранжевой жилетке с номером. Такси. Я знаю. Не зря взял сок есть мелочь. Сажусь за его спиной и говорю на английском: Tuk-com. Я почти знаю этот город изучил его по картам. Ветер треплет мои волосы, жаркий воздух бьёт в лицо. Мы приехали. Даю ему сотку. Он просит: Two hundred. Я смотрю на него сурово. Он понимает: несмотря на мою бледность, я бывалый турист. Я иду в магазин. Поднимаюсь на эскалаторе на третий этаж. Меня зовут со всех сторон, bleющими голосами продавцы. Я смотрю, выбираю. Нахожу iPhone 7. Не новый, но в хорошем состоянии. Цена приемлемая. Видя мой интерес, продавцы достают его, показывают заряд, хвалят память и камеру. Я соглашаюсь при условии, что настроят под мой аккаунт и дадут симку. Мы договариваемся. Я жду, пока они всё устанавливают, регистрируют. И вот он у меня в руках с чехлом в подарок. Я доволен. И они довольны. Выхожу на улицу уже темно. Вечер. Вокруг люди, запахи, шум. Жизнь кипит. Иду по улице, покупаю три шашлычка по десять бат и стакан сока маракуйи. Ем на ходу. До отеля недалеко, а я люблю ходить. Тепло. Воздух густой, с дымом и выхлопами. Считаю: тридцать шашлык, сорок сок. За два доллара я поужинал. Мне хорошо от этой мысли. Сто бат за такси не жалко, но я люблю гулять. Сзади сигнал. Оборачиваюсь тук-тук. Местная развозка. Я, конечно, люблю ходить но за десять бат уже не люблю. Сажусь. Проезжаю три остановки и выхожу. Приятно. Меня довезли за треть доллара. Подхожу к своей улице. Горят вывески: «массаж». Женщины улыбаются. Но все старые мне неинтересно. Я хочу большего. Иду дальше. Нахожу салон с девушками помоложе. Они видят мой взгляд понимают. Улыбаются. Намекают. Ойл массаж. Я не отвечаю. Просто иду за ними. Меня ведут наверх. Показывают душ. Я раздеваюсь. Мне дают цветную простынь и полотенце. Горячая вода, шампунь с незнакомым запахом. Я моюсь, вытираюсь и выхожу. Комната тёплая, приглушённый свет, пахнет травами. Ложусь на широкий матрас. Накрываюсь простыней. Руки раскидываю в стороны. Жду. Шорты с деньгами под матрасом. Меня не обманешь. Я всё знаю. Дверь тихо открывается. Савади ка промяукал нежный голос. Я поворачиваю голову. И вдруг понимаю я действительно в другой жизни. Передо мною хрупкая азиатка . с маленькими грудями. Она садится рядом и говорит ойл массаж таузен бат. Я протягиваю ей купюру . Она прячет ее и

раздевается полностью. Ее маленькая грудь касается моего тела . Мне приятно . У меня не было секса 19 лет . А мне 19. Мое тело дрожит от возбуждения. Я жду, потому что не знаю что делать. Но она делает все сама . Целует мое тело . нежно водит маленькими пальчиками. Вот ее груди касаются моего члена он трещит от возбуждения. Она берет его в рот и ласкает . Я замираю от наслаждения . еще немного еще чуть -чуть. Но она ложиться на меня . Целует мою шею . Мне хочется подмять ее под себя и вонзить свой член в нее. Но сдерживаю себя. Она прижимается бедрами к моему животу. Я чувствую ее жесткие волоски. Она не спешит , у нее свой ритуал. Но вот она опускает свои бедра и насаживается на меня. О боже как это приятно и взрыв , я кончил. Я первый раз кончил . Меня накрывает эйфорией . Из горла вырывается рык и стон наслаждения. Потом приходит мысль пугающая меня. А вдруг спид ! Но мне приятно . Мое тело до сих пор в ней. Она медленно двигается , словно понимая , что у меня это в первый раз. Она игриво заглядывает мне в глаза . Видит в них желание . Глаза ее шаловливо улыбаться . Мое молодое тело не устает. Она чувствует это и продолжает движения уже быстрее и резче. В какой то момент она устает и смотри н меня с вопросом. Я ее понимаю . И за руку ложу ее на матрас. Когда я лег на нее . Она что то жалобно промяукала . Я оперся на руки и нависнув над нею продолжил. Мои бедра двигались загоняя мой член в ее плоть. В голове шумело от наслаждения. Она взяла меня за пояс и стала сдерживать мой натиск . Но я уже кончал во второй раз . Который был не таким ярким . Дав мне насладиться она похлопала ладонками меня по груди , показывая что сеанс окончен. И она ушла . Я остался лежать на матрасе не в силах встать от полученных впечатлений . Это и есть секс подумал я. Как много я потерял в этой жизни . Вошла тайка средних лет и пропела массаж. Я кивнул головой . И она принялась . мять мне ноги , тыкая своими тонкими пальцами , будто что то там выковыривая. Потом перешла на ноги выгибая суставы . И так по всему телу. Закончился массаж на голове.. Я вышел из массажного салона другим человеком. Я вышел оттуда настоящим мужчиной. Снисходительно бросал взгляды на проходящих людей. Мне было даже немного жалко их суетящихся, потных, куда-то спешащих. Я прошёл на торговую площадь. Купил пиво, сел на бетонную лавочку. Жара. Холодное пиво в руках. Что ещё нужно для счастья? Привет. Я сразу узнал голос. Передо мной стояла та самая девушка с самолёта. Привет, безразлично ответил я. Она удивилась. Ты стал другим, вдруг сказала она, с какой-то обидой. Таиланд меняет людей, спокойно ответил я, даже не оборачиваясь к ней. Она молчала. А я вдруг поймал себя на мысли: «А ведь и правда я изменился». И я чувствовал это. Я стал другим. Допив пиво, я встал и пошёл в номер. Краем глаза заметил, как она смотрит мне вслед.

Глава 5

В номере я надел другие шорты и футболку. Затем натянул кроссовки, которые были мне велики. Но я привык донашивать чужую обувь. Обувь-обувь. Меня это не остановит. Я шёл к своей цели и дойду, думал я. Когда я оглянулся, то понял, что нахожусь в лесу. Темно. Вокруг деревья. Шум волн. Я замер. И сквозь весь этот гул я услышал стук. Размеренный, устойчивый, как биение сердца. Я пошёл на него сквозь темноту и ветер, пока не увидел свет. Три лампочки. Огороженная сеткой площадка. И азиат, бьющий по столбу, обмотанному какой-то тряпкой. Я обошёл ограждение, вошёл внутрь и сел. Человек, создававший этот стук, устало остановился. Увидев меня, бросил коротко: Обувь. Я моментально понял смысл. Выбежал наружу, разулся и встал в проёме. Ты кто такой? спросил он через плечо. Ваш ученик, машинально ответил я. Что меня подвигло я не знаю. И никто не знает. Потому что никто не знает моей истории с самого начала .Но слово уже было сказано. Выходи. Я подчинился. Мне вручили жёсткую подушку и начали бить. Я бегал по площадке, прикрываясь ею, как щитом. Сколько прошло времени не помню. Когда я упал, увидел руку. Схватился за неё меня подняли. Уберись здесь. Если он хотел меня удивить он ошибся. Мои глаза мгновенно нашли ведро и тряпку. Я схватил их и начал мыть пол. Где не доставала швабра мыл руками. Мне было не привыкать. Стоп. Я замер. Как тебя зовут? Боря, ответил я. Он подошёл вплотную. Ты русский? спросил он и ударил. Да,

ответил я, как солдат. Теперь ты Бор, сказал он, как отрезал. Есть, сэр! выкрикнул я сам не понимая почему. Ему это польстило. Он улыбнулся. Откуда ты? Из Паттайя Парка! ответил я так же чётко. Завтра в шесть. Приходи. Он ушёл в темноту. Я стоял, как прикованный. Потом очнулся и пошёл в отель. Шёл как робот. В голове было только одно: В шесть. И вот утро. Я стою у двери и боюсь зайти. Он не поздоровался. Просто бросил на ходу: За мной, солдат. И я побежал за ним. Мы пробежали до километрового столба с цифрой «0» и силуэтом голубого краба у ресторана. Развернулись – и обратно. Я любил ходить. Любил бегать. Но даже для меня это было слишком. Когда впереди показалась решётка нашего зала, в глазах уже бегали не только зайчики, но и белочки. Я почти терял сознание. Но он просто кинул мне подушку и снова начал выбивать из меня или из неё это состояние нестояния. Я упал. Снова увидел руку. Протянул свою меня подняли. Уберись здесь. Я даже не удивился. Мои глаза сразу нашли ведро и тряпку. Я приступил к работе. Мне это было знакомо. Когда тряпка уткнулась в его босые ноги, он спросил: Как тебя зовут? Я выпрямился: Бор, сэр. Он улыбнулся. Передо мной стоял азиат моего роста, собранный из одних мышц. Уберись и приходи в девять. Есть, сэр! Я продолжил. Вымыл пол. Протёр все снаряды. Сполоснул тряпку. Ты кто, сынок? Я обернулся. На лавочке сидел старик-европеец. Я ученик, выпалил я. А-а ученик Чена, произнёс он с уважением. Тогда подмети вокруг стадиона. Я нашёл метлу и сделал это. Когда закончил, он снова спросил: Ты откуда? Из Паттайя Парка. Он посмотрел на часы и усмехнулся: Завтрак прозевал, сынок. Есть, сэр! Он подошёл ближе, внимательно посмотрел: Ты наркоман? Никак нет, сэр! Он снова сел. Служил? Никак нет, сэр! Выкрикнул я. Он усмехнулся: Тогда с тебя сто баксов и можешь идти. Есть, сэр! Я развернулся и пошёл. Я шёл и не понимал, что происходит. Что меня сюда привело. И что заставляет продолжать. Когда я вернулся в ресторан отеля мокрый, уставший столы уже были пусты. Из еды осталось только ломтики хлеба. Я налил себе воды из кулера, взял три корочки и сел. Ел медленно, аккуратно. Ты тоже опоздал на завтрак? услышал я знакомый голос. Я не обернулся. Я не опоздал. Я достиг цели. Ответил я. Она обошла меня, разглядывая мокрого, потного и явно не пахнущего лавандой. Ты меняешься на глазах, сказала она с удивлением. Но я уже доел. Выпил ещё стакан воды и вышел. В номере я молча разделся, бросил одежду под струю воды и встал под душ. Долго стоял. Затем выжал одежду и повесил на стулья. Потом вытерся и только тогда почувствовал усталость. Я уснул. Проснулся днём. Я чувствовал: я уже другой. А мир ещё нет. И чтобы убедить хотя бы себя, я снова пошёл туда, где висела вывеска «массаж». Они всё поняли. Увидев меня, усадили в кресло. Дали чай. А потом пришла она. Красная, после бега, счастливая, у неё появился постоянный клиент. Она молча поднялась вверх. Я пошёл за ней. Это был как ритуал. По крайней мере для меня. Я зашёл в душ, тщательно вымылся. Лёг на матрас и стал ждать. Тысяча бат лежала на краю. Она вошла не глядя на деньги и просто обняла меня. Ее тело было горячим и мокрым. Я чувствовал, как она нюхало мое тело. Затем она начала целовать меня. И вчерашнее повторилось. Я лежал как звезда раскинув ноги и руки в разные стороны. Пришла тайка в возрасте и спросила массаж. Я кивнул головой. А когда она обхватила мой ослабший член ртом, в моей голове проскочила мысль. А где грань реальности. Из массажного салона я вышел другим человеком. Мне было хорошо.

И мне было жаль этих жалких туристов с пакетами, с мазями от ожогов. Я шёл к цели. А моя цель была проста еда.

Глава 6

Купив окорочок и рис, я просто ел. Без вкуса. Без сожалений. Когда во рту захрустели кости, я услышал: Ты пойдёшь на море? Я даже не обернулся. Я узнал её. Не знаю, откуда это во мне, но я ответил: С незнакомыми я в море не хожу. И пошёл в номер. Почему я так поступал с ней я не знал. Я был изгоем. Я не знал любви. И вот внимание девушки а я его игнорирую. Но даже упав на кровать, я не пожалел. Я уснул. Проснулся в окне было солнце.

Встал, вынес ещё сырую одежду на балкон. Надел другие шорты и футболку и пошёл купаться. На берегу я понял, что даже не снял трусы. Но это меня не остановило. Я с разбега бросился в воду. Накупавшись, вышел на берег. Волны так же били меня в спину, но теперь я с ними не разговаривал. Увидев турник, я начал подтягиваться. Получилось четыре раза. Слабовато, услышал я русскую речь. Я только учусь, ответил я. Привет, ты откуда? Спросил он смеясь. Из России. Коротко ответил я. А я из Калуги, понимаешь сказал он с каким-то странным говором. Меня Артурий зовут. Он смеялся почти после каждого слова. Я отошёл в сторону. Он подошёл к турнику и подтянулся двадцать раз. Солидно, сказал я, разминая плечи. Да ты спортсмен! засмеялся он. О, смотри, Рэмбо! крикнул он низкорослому тайцу. У нас тут спортсмен появился! Они засмеялись. «Постоянные жители пляжа», подумал я и пошёл дальше. Дошёл до начала Джомтьена, нашёл площадку и начал качаться. Четыре подхода и в море. И так три часа. Да ты спорттик, как я посмотрю! снова услышал я. Смех. Я обернулся. Артурий стоял уже с азиаткой. А вы откуда? спросил я на автомате. Да вот поклевали чуть-чуть и в отель идём, ответил он. «Странный человек», подумал я и снова пошёл в воду. Начиналась волна. Я прыгал через неё, как ребёнок. Привет, услышал я знакомый голос. «Это уже паранойя», подумал я. Привет, ответил, не оборачиваясь. Меня, кстати, Настя зовут. Но я уже шёл к берегу. Вечерело. Я добежал до отеля, принял душ, переоделся, взял деньги и пошёл в зал. Старик сидел у входа и курил. Я протянул ему сто долларов и прошёл внутрь. Он зашёл следом. Повесил на стену блокнот. Вот твои показатели, сказал он. На обложке написал: «Бор». Я начал упражнения. И в конце записал свои результаты. Появился Чен. Мой тренер. Он молча кинул мне кожаную подушку и всё началось снова. Он бил. Или по подушке или старался выбить дух из меня. Я уже не понимал разницы. Удары сыпались один за другим. Я держался, сколько мог. Пока не упал. Он не дал мне лежать. Протянул руку поднял. И сразу показал: Два удара в голову. Один в печень. Работай. Сказал и ушёл. Я остался один. Начал повторять. Снова и снова. Пока руки не перестали слушаться. Пока тело не стало чужим. Я остановился. По привычке пошёл к швабре. Но старик остановил: Солдат, ты заплатил за зал. Не трогай инвентарь. Я посмотрел на него и впервые с благодарностью. Ничего не ответил. Просто развернулся и пошёл в отель. Сил не было. Я принял душ и вышел на площадь. На площади было слишком много людей. Слишком шумно. Есть здесь не хотелось. Я вышел на дорогу, махнул мотобайку: Фестиваль Центр. Гул моторов, выхлоп, горячий воздух в лицо. Мы пробирались сквозь поток машин, сигналивших без остановки. Я приехал к закрытию, но даже этого хватило место было живое, дорогое, чужое. Я не задержался. Пешком дошёл до Волкин Стрит. И сразу утонул. Свет бил в глаза неон, вывески, мигающие лампы. Музыка лезла со всех сторон разная, громкая, конфликтующая сама с собой. Крики. Смех. Свист. Полиция у входа равнодушные лица. Дальше толпа. Китайцы цепочками, как экскурсия без конца. Индусы кучками, громкие, липкие. Семьи с детьми, как будто это парк аттракционов. Запахи били сильнее, чем звуки. Жареное мясо. Рыба. Сладкий алкоголь. И вперемешку пот, духи, сырость, канализация. Это было не место.

Это был живой организм. Я шёл сквозь людей, задевая плечами, чувствуя чужие руки, случайные прикосновения. Кто-то смеялся в ухо. Кто-то что-то предлагал.

Кто-то тянул за руку. Я смотрел на девушек. Они стояли у баров, на ступеньках, в дверях. Яркий макияж, короткая одежда, голые ноги в свете неона.

Некоторые улыбались устало. Некоторые слишком профессионально. Некоторые просто смотрели сквозь тебя. Красивые. Но эта красота была рабочей. Отточенной. Натянутой, как струна. И где-то на середине улицы, среди этого шума, света и запахов я поймал себя на мысли я хочу одну из них. Не всех. Одну. Не долго думая я взял девушку за руку. Она прильнула ко мне, заглянув в глаза. Она потащила меня в бар. Но я остановил ее. Тогда к нам подошел

охранник и спросил . что ты хочешь . Я ответил мне нравится эта девушка . Он сказал мне на ухо две тысячи бат . Я кивнул ему и он повел меня на верх . Мы оказались в маленькой комнате с большой кроватью. Я расплатился с охранником . она ушла в душ. Я сел на кровать и стал ждать . Наверное сильно замаралась подумал я когда прошло минут двадцать. Затем огна вышла с лучезарной улыбкой закутанная полотенцем . Я быстро ополоснулся и лег на кровать. . Ой я сильно устала произнесла она мило улыбаясь. И легла на спину. Я распаковал ее из полотенца и увидел груди размера второго . которые и в руки можно взять. Если бы это был мой первый секс я был бы разочарован. . Она еще канючила пойти в бар . Но я был уже сыт , ее капризами. Мотобайк довез меня до отеля .

Глава 7

Я поставил будильник. В пять утра, одевшись, вышел из отеля. У калитки стояла Настя. Привет, сказала она. Доброе утро, ответил я. Ну что, пойдём сегодня на море? Да только завтрак мне сохрани. Она улыбнулась. «Что за паранойя, подумал я. То ни одной девушки то сразу такая». У входа в зал сидел старик. Привет, Джон! крикнул Чен и махнул мне рукой. Я побежал за ним. Мы сделали круг до краба и обратно. Забежали в зал, размялись. Он взял подушку: Бей. Я показал, чему научился. Он поправил коротко, жёстко. Потом мы поменялись ролями. И он начал бить меня. Пока не сбил с ног. Он ушёл, а я остался отрабатывать.

Снова. Снова. Подошёл Джон. Поставил удар спокойно, точно. Посмотрел на часы: Беги на завтрак. Я побежал. Зал был пуст. За столом сидела Настя.

Перед ней моя еда. Она сторожила. Спасибо, сказал я, садясь. Ну ты же мне помог, ответила она. Я ел быстро. Яичница, тост с сыром и колбасой, два круассана, булочка, фрукты. Она смотрела. Я это взяла на двоих. Я замер с бананом во рту. Она рассмеялась: Поймала. Я дожевал и встал. Ты что, обиделся? Униженные не обижаются, сказал я. Она надула губы. Я ушёл в номер. Ого услышал я за спиной. Ты живёшь один? Она уже прошла внутрь и села на кровать. Кровать заправлять не учили? Я молча включил кондиционер и ушёл в ванную. Когда вышел, она стояла в футболке, которую я когда-то бросил как ненужную. Это что? Тряпка. Ты что?! она схватила меня за руку. Это же «Армани»! Я пожал плечами. Я не понимал, о чём она. Достал чемодан, открыл. Вышел на балкон. Сел, сохнуть после душа. Она тем временем перебирала вещи. Разложила всё на две кучки. Это же фирменный секонд сказала она с каким-то восторгом. Хочешь забери. Она встала. Улыбнулась. Хотела обнять но остановилась. Я отвернулся. У тебя есть девушка? Спросила она. С чего ты взяла? Спросил я. А ты что, еврей? Спросила она. Что за поток вопросов? Спросил я. Она засмеялась. Только евреи отвечают вопросом на вопрос. Я не стал спорить. Мне было не до этого. Я посмотрел на неё. Она всё поняла. Сделала шаг назад. Потом ещё один. Иди, сказал я. Я лёг на кровать. Сон накрыл сразу. Проснулся уже днём. Встал. Потянулся. Сходил в душ и, одевшись, вышел на улицу. Передо мной раскинулась Паттайя. Я шагнул вперёд, и город сразу втянул меня в себя. Здесь не было пафоса только жизнь, настоящая, шумная, липкая от жары. Я направился по району Pattaya Park. Улочки там были узкие, будто специально сделаны, чтобы человек чувствовал себя ближе к этому месту. Асфальт неровный, кое-где мокрый, вдоль дороги плотно наставленные байки, словно они жили своей отдельной жизнью. Воздух стоял густой. Пахло жареным мясом, морепродуктами, специями. На каждом углу тележки: кто-то жарил курицу, кто-то продавал фрукты, кто-то разливал холодные напитки. Всё шипело, дымилось, звало остановиться. Вывески звали, переливались, а из открытых баров тянуло музыкой и голосами. Где-то смеялись, где-то спорили, где-то просто жили, не задумываясь ни о чём. Я шёл медленно, без цели. Просто смотрел по сторонам и ловил это ощущение будто попал в другой мир, где никто никого не знает, и это даёт странную свободу. Иногда улица сужалась так, что двум байкам

было трудно разъехаться. Я прижимался к стене, пропуская их, и ловил себя на мысли, что мне это нравится быть частью этого хаоса.

Глава 8

Я остановился у небольшого массажного салона.

Вывеска мигала светом хотя был день, внутри было полутемно и тихо совсем не как на улице. Я толкнул дверь и вошёл. Сразу ударил запах смесь масел, трав и чего-то сладкого, успокаивающего. Воздух был прохладнее, чем снаружи, и после жары это ощущалось почти как спасение. За стойкой сидела девушка. Она улыбнулась спокойно, без лишних эмоций, как будто видела таких, как я, десятки раз за день. Массаж? спросила она мягко. Я кивнул. Меня провели внутрь. Узкий коридор, приглушённый свет, тихая музыка что-то медленное, тянущееся, как время в этом городе. За занавесками угадывались силуэты кто-то лежал, кто-то тихо разговаривал, кто-то уже провалился в сон. Я лёг на кушетку. Сначала было непривычно чужие руки, чужое пространство. Но через пару минут тело само отпустило напряжение. Руки двигались уверенно, без суеты, будто знали, где именно накопилась усталость. Я закрыл глаза. Мысли сначала крутились дорога, люди, разговоры а потом начали растворяться. Остался только ритм: нажатие, движение, тепло. В какой-то момент я поймал себя на том, что просто исчез без прошлого, без планов. Только здесь и сейчас. Наверное я заснул, но когда коснулись моего члена . Без настойчивости , как будто случайно . А потом еще раз я понял что это система. Открыв глаза я понял по улыбающийся глазам женщины. Чего она хочет. Ойлмассаж пропела она. Я уже знал приветствия и некоторые слова местного языка . Я учился быть своим. Она поняла по моим глазам. Даже не смотря что ей за сорок , она намекала на секс. Пятсот бат пропела она на английском. Я встал . Но она положила меня обратно и скинула одежду. Грудь которая когда то была красивой. Живот изощренный шрамами . И ноги покрытые целлюлитом. Она легла нежно на меня и принялась целовать в губы, как будто мы давно были знакомы . У меня уже болели губы когда она позволила мне войти в нее . Движения ее бедер были четкими , как будто она знала что делала. Сбивая меня с такта и иногда мешая мне поймать кайф. Вдруг она обняла меня впила в губы , а затем оторвавшись закатила глаза , стала некрасивой и завывала протяжно и надрывно. Бедра ее импульсивно задержались . и она начала возбуждающе стонать . От этого я кончил . Да не от движения моего члена внутри нее , а от звуков которые она издавала . я чувствовал как извергаюсь внутри нее. А она насаживалась на него. Тоже это чувствуя . словно хотела проткнуть себя. Когда она поднялась , то благодарно посмотрела на меня и поцеловав в губы . Подхватила ладошкой промежность и пошла в душ. Как она классно целуется прокатилось у меня в голосе . Я целовался пару раз . но ни когда так сладко и долго. Это был мой первый настоящий поцелуй который кончился оргазмом . И эта была первая женщина которая кончила от меня. Конечно я понимал что кончила она сама. Судя по ее движениям. Я заснул. Проснулся от чувства что мой член ласкают. Она сидела у моего тела склонившись над моими бедрами. Это было до жути приятно . Как будто у нее не было зубов. Затем она закончила общий массаж . И сложив ладошки у лица пропела капункра. Что на тайском означала спасибо. Когда всё закончилось, я медленно сел. В теле была лёгкость, как будто с меня сняли лишний груз, о котором я даже не думал. Я вышел обратно на улицу. Шум Паттайи снова накрыл меня, но уже по-другому. Спокойнее. Тише внутри. Я глубоко вдохнул и пошёл дальше. Ноги несли меня по улицам почти знакомым, уже узнаваемым.

Я шёл, не думая, просто по наитию, как будто город сам вёл меня. И вдруг тот самый вчерашний салон. Сердце ёкнуло. Дверь приоткрылась, и в проёме появилась она моя вчерашняя девушка. Улыбка, взгляд, в котором было всё: и игра, и приглашение. Савади ка, пропела она, сложив ладони у лица. Её глаза сверкнули, цепляя, не отпуская. Она чуть наклонила голову и едва заметно поманила меня внутрь. Я остановился на секунду. Шум улицы остался за спиной.

В этот момент был только я, она и этот выбор. Она не говорила больше ничего. Ей это и не нужно было. Я шагнул к двери. И последовал за ней. Как у тебя дела? спросила она. Хорошо, ответил я на тайском. Она удивлённо обернулась: Ого, два дня в Тае, а уже знаешь наши слова! похвалила она, а в глазах играли озорные чертики. Она взяла меня за руку и повела в душ. И начала мыть сама, словно не доверяя мне. Вода смыла с меня усталость, а она тихо смеялась, когда я пытался помочь давала это делать по-своему. После душа она вытерла меня свежим полотенцем и мягко повела в комнату. Она была грациозной и хрупкой, но в каждом движении чувствовалась уверенность. Она присела мне на грудь, чтобы размять мои ноги. Её руки были сильными, уверенными каждая точка давления отзывалась одновременно болью и странным удовольствием. Я закрыл глаза и позволил себе просто быть здесь, под её внимательным взглядом и заботой. Когда она потянулась к моим пальцам я увидел её промежность. Круглая попка её приподнялась и даже вывернулась вверх. Она заманивала меня. Подняв голову я уткнулся лицом в её промежность и в это время мой член оказался у неё во рту. Как это было блаженно. Но шея быстро устала. Тренируйся дал себе цель я и снова прильнул к ней. В нос бил неведомый до сих пор запах женщины. Затем она развернулась и села на него. И опершись руками о живот начали размеренные движения. не такие как та тайка. А простые ритмичные. В них не было той уверенности в движениях. Она просто выполняла работу. Поэтому полюбовался её телом и подмыл под себя. Не обращая на её сдерживание я входил по самые помидоры и быстро кончил. с утробным рычанием и негой. Насладившись последними нотками оргазма я откинулся на спину. Она тут же кинулась не в душ, а к моему члену и облизала его. Затем взяла в рот и стала высасывать из него все соки. Он такой беспомощный, ослабший снова воспрял. Посмотрев удовольствие на результат своего труда она пошла в душ. Она потянула меня за руку. Пойдем, сказала она на тайском, и в её голосе звучала одновременно мягкость и лёгкая насмешка. Снова вода скользила по телу, а она смеялась и называла части тела на тайском: Это рука, это нога, а это член. Я ловил каждое слово, повторял про себя в уме. Её глаза сверкали, когда она видела, как я стараюсь запомнить. И в этом было что-то игривое, почти детское будто мы играем в странную, тёплую игру, где все правила она задаёт сама. Она провела меня к комнате и мягко подтолкнула к кушетке. Садись, сказала она, и в её улыбке было что-то вызывающее, но дружелюбное. Она снова взялась за массаж, но теперь игра стала ещё заметнее. Когда её руки скользили по плечам или ногам, она комментировала каждый жест на тайском, а потом весело переводила на английский: Почувствуй, как расслабляются мышцы! Я пытался повторять её слова, и это вызывало её тихий смех. Иногда она шутливо поддразнивала меня взглядом, слегка наклоняя голову, будто проверяя, насколько я внимателен. Каждое движение было уверенным, но в этом уверенном прикосновении ощущалась лёгкая озорная игра она смеялась, когда я пытался помочь, отодвигая мои руки мягко, но твёрдо. В какой-то момент я поймал себя на том, что полностью растворился в этом простом действии: вода, тепло, её лёгкие шутки и удивительно прямой способ показать заботу. Всё вокруг словно исчезло, оставив только её и этот странный ритм, который одновременно успокаивал и заставлял улыбаться. Когда всё закончилось, я встал с кушетки, чувствуя лёгкость в теле, которую редко испытывал. Она улыбнулась, словно проверяя, понял ли я весь смысл её маленькой игры. Готов? спросила она на тайском, а я кивнул.

Глава 9

Я вышел на улицу. Шум Паттайи снова накрыл меня мотоциклы, запахи жареного, неоновые вывески, голоса туристов и местных. Но теперь я ощущал город иначе: как будто каждое движение людей, каждый звук был частью ритма, в который я сам вписался. Ноги сами понесли меня по узким улочкам района Pattaya Park. Асфальт неровный, байки плотно припаркованы вдоль стен, а воздух был густой от специй, жареного и сладких фруктов. Я шёл медленно, оглядываясь по сторонам, ловя запахи и звуки. На каждом шагу тележки с едой, разговоры продавцов и туристов, музыка из баров. Всё это казалось живым, дышащим, а я стал частью

этого потока. И где-то между домами мелькнуло море. Я не видел его, но чувствовал. По ветру, по влажности, по лёгкой прохладе, которая пробивалась между улицами. Я глубоко вдохнул и пошёл дальше, чувствуя, что сегодня Паттайя раскрыла мне свои маленькие секреты и я стал участником этой игры. Я шёл по центральной площади Pattaya Park, ловя запахи жареного и сладких фруктов, когда заметил знакомую фигуру впереди. Это была Настя. Она стояла у края тротуара, прислонившись к стене маленького кафе, и смотрела на меня с улыбкой, которая сразу же заставила сердце биться быстрее. Привет, сказала она, легко маша рукой. Я ускорил шаг. Доброе утро, ответил я. Она засмеялась тихо, этот смех словно растворял шум улицы. Пошли на море? спросила она, глаза блестели от солнечного света. Я кивнул, чувствуя, как город вокруг будто подстраивается под наш ритм: шум моторов стал фоном, а запахи специй и жареного отступили на второй план. Мы шли рядом, и каждый её взгляд, каждый жест создавал ощущение, что всё вокруг только для нас. Настя шагала уверенно, а я просто пытался не терять её из виду, наслаждаясь этой лёгкой игрой улиц и солнечного света. Сегодняшнее утро в Паттайе стало ещё ярче. Мы пришли на пляж и, бросив полотенца, рванули в море. Вода была тёплая, как парное молоко, волны бились о нас и смывали с тела остатки сна. Мы плыли, а Настя задавала вопросы, но ветер сбивал её слова, и я просто молчал. Постепенно она тоже замолчала. Я сделал большой круг, и она отстала. Когда я вернулся, она стояла на берегу, слегка обиженная и молчаливая. Я прошёл мимо, как ни в чём не бывало. Мы были знакомы, и в этой лёгкой дистанции не было претензий. Я помог ей с чемоданом, а она отложила мой завтрак и всё. Позже я подошёл к турнику и начал подтягиваться. Десять раз и уже почувствовал лёгкую усталость. Молодец, сказал на тайском Рембо, массажист, с которым мы познакомились вчера. Я стал качать пресс. Как прошёл день? спросил Рембо на тайском, словно хотел выбить меня из ритма. Хорошо, ответил я, тоже на тайском. В этот момент подошла Настя, с удивлёнными глазами: Ты знаешь тайский? спросила она. Ты меняешься на глазах. Я упал на корни дерева и начал отжиматься. Рембо, шутливо, взял её за руку и посадил мне на плечи. Её холодная попа в купальнике коснулись моих плеч, и я почувствовал дополнительную нагрузку. Она расхохоталась, как ребёнок. Я сделал пару отжиманий и упал на живот. Ты тяжёлая, сказал я. Ничего, я не тяжёлая! возмутилась она. 70 килограммов это нормально для моего роста! Я оценивающе посмотрел на неё: большая грудь, плоский живот, округлые бедра и талия. Она заметила взгляд. Слегка улыбнувшись и отвернувшись крикнула Дурак. Настя пошла дальше, уверенно шагая по песку. И у нее действительно была жопа. Я снова встал на ноги и подошёл к турнику. Настя уже шагала вдоль воды, иногда оглядываясь на меня с лёгкой улыбкой, будто проверяя, как я справляюсь. Ты серьёзно? крикнула она через шум прибоя. Всё это ради упражнений? Я только пожал плечами и подтянулся ещё раз. Рембо, сидя на песке, засмеялся: Не сдавайся! Сказал он на тайском поняв смысл ее слов. Настя подбежала ближе и, шутливо встав между мной и турником, легла на песок, пытаясь меня отвлечь. Я сделал несколько подтягиваний, не сбавляя ритма, а она смеялась и дергала меня за плечо, словно проверяя, насколько я вынослив. Смотри, я могу! выкрикнула она, пытаясь сесть на шпагат, и я едва удержал равновесие. Ветер раздувал её волосы, волны прибоя шли к берегу, а мы оба смеялись, пытаясь поймать момент, когда можно отвлечь друг друга. Я заметил, как она ловко увернулась, чтобы не намочить ноги, и в этом её лёгком, озорном движении было что-то невероятно притягательное. Я сделал последние подтягивания и рухнул на песок, переведя дыхание.

Глава 10

Настя села рядом, широко улыбаясь: Молодец! сказала она. Ты упертый пацан. Я посмотрел на море: солнце уже стояло высоко, светило в глаза, но это не мешало видеть, как она играет с водой, прыгая по волнам. И в этот момент я понял, что утро на пляже получилось идеальным шум, вода, солнце, смех и эта лёгкая, тёплая игра между нами. Хочешь массаж? спросил я её. Она удивлённо посмотрела на меня: Массаж же для мужчин или ты хочешь мне сделать? добавила она и, шутливо скрутив мне дулю, подмигнула. Я улыбнулся. Она была такая

же, как я своенравная, дерзкая, наверно как и я вырвалась сюда на последние деньги. Рембо, сделай ей массаж, обратился я к массажисту на английском. Как не сделать? пропел он и расстелил свой матрас. Взяв её за руку, он уложил Настю на живот, вымыл из бутылки ей ступни и аккуратно начал работу, следя за её реакцией. Она слегка напряглась, но смеялась, чувствуя себя одновременно настороженно и игриво. В этот момент я услышал знакомый голос: Привет, спортсмен! Я повернул голову и увидел мужчину около сорока лет с рельефным телом. Он ловко показал на свои кубики пресса и улыбался морщинистым лицом и какими то стеклянными глазами. Учись, молодой, сказал наставнически. Это был Артурий. Смотри, Рембо, какая погода сегодня, да продолжал он, смеясь и обращаясь к массажисту. И сколько русских понаехало. Навалили работы, да? И смеялся. Рембо только усмехнулся, продолжая делать своё дело, а я наблюдал за этой сценой, чувствуя, как город и люди вокруг живут в своём ритме, где каждый занят своим, но всё это переплетается в одну живую картину. Смотри, молодой, обратился ко мне Артурий. Если хочешь такой пресс, делай так! Он сел на песок, скрестил руки за головой и аккуратно продемонстрировал упражнение «по-попе». Хотя он мне не нравился, я повторил его движения, стараясь не выглядеть слишком неловко. Рембо что-то пробормотал на тайском, слова были мне непонятны. Артурий заметил моё озадаченное лицо и пояснил: Он говорит: «повторяй за ним». Я кивнул и продолжил упражнение. Смотри, Рембо, продолжал Артурий, какая молодежь! Уже тайский язык хотят понимать! Он рассмеялся, сморщив лицо и блеснул стеклянными глазами, и я невольно улыбнулся. Даже если он был слегка напористым наставником, в этом был какой-то азарт и лёгкая игра, которая делала утро на пляже ещё живее. Я снова сосредоточился на упражнениях, пытаюсь повторять движения Артурия. Вдруг Настя подбежала ко мне с улыбкой и, едва касаясь плеча, встала прямо передо мной: А я тоже хочу попробовать! воскликнула она, глаза блестели от озорства. Я попытался продолжать, но она играючи толкнула меня в бок. Я чуть не потерял равновесие и рухнул на песок. Она расхохоталась, словно это была самая забавная шутка на свете. Молодой, смотри, как правильно, крикнул Артурий, не сдерживая улыбки. Даже Настя хочет учиться! Она присела рядом и, подмигнув, стала повторять движения «по-попе», слегка завлекая меня в свою игру. Я попытался сосредоточиться, но её смех и озорные взгляды постоянно отвлекали. Рембо, отрывшись от массажа Насти, только покачал головой и тихо засмеялся: Эта пара явно любит шум, пробормотал он на тайском. Я упал на песок, переведя дыхание, а Настя села рядом и, ещё смеясь, подтолкнула меня плечом: Ну что, молодец, выдержал! Спросила она. Таец подошел к ней со спины и продолжил массаж. Настя склонила голову и сказала тихо: Не люблю, когда меня трогают мужчины. Артурий тут же перевёл её слова Рембо. Массажист улыбнулся, кивнул и отошёл в сторону, уважая её слова. Я достал из шорт 500 бат и протянул их Рембо. Он неловко мям купюру в руках, не зная, как себя вести. Бери, бери! засмеялся Артурий. Видишь, какая молодёжь пошла крутая? Скоро машину купишь, Рембо. И не забывай меня катать! Рембо сунул деньги в карман и, будто ничего не произошло, и занялся массажем моей шеи, как будто хотел честно отработать купюру. Ты что, Рембо? крикнул Артурий, смеясь. У тебя же переработка пошла! Рембо только усмехнулся и продолжил работу, а я почувствовал лёгкое напряжение в шее и одновременно умиротворение странная смесь физической усталости и юмора, которая делала это утро особенным. Я взглянул на море солнце светило ярко, волны били о берег, а весь этот шум, смех и игра сделали утро на пляже живым и тёплым, словно мы были единственными, кто знает секрет этого места. Я продолжил упражнения, сосредоточившись на каждом движении. Смотри, Настя, какой упёртый у тебя парень! смеялся Артурий. Скоро чемпионом станет! Это не мой парень, смущённо возразила она. Густо покраснев. Немой? Не твой? засмеялся Артурий, хлопнув ладонями от собственной шутки. Успокоившись, он обратился к Рембо: Смотри, какая молодёжь пошла! Признаваться не хотят, а глаза-то всё равно смотрят! Рембо только улыбнулся, а я, стараясь не обращать внимания на шутки и наблюдения, сосредоточился на упражнениях, ощущая, как лёгкий шум, смех. Настя обошла меня, сыпая

с купальника песок, и встала прямо передо мной, перекрыв путь. Скажи им, что то не мой парень! воскликнула она, возмущённо и пытаюсь добиться справедливости. Я не немой, улыбнулся я в ответ, играя на её эмоциях. Она лишь фыркнула, отвернулась и направилась к морю, Виляя большой на вид от прилипшего песка попой, оставив меня улыбаться на песке. Вот женщины интриганки, сказал Артурий, хлопая меня по плечу. Смотри, скоро гайки начнёт закручивать. Он усмехнулся и продолжил: Хороша, конечно, но таких в России полно. Выбери тайку и наслаждайся свободой! Я только пожал плечами и улыбнулся. Его слова звучали как шутка-наставление, но внутри я понимал: свобода здесь действительно чувствуется иначе, чем дома. Хочешь, познакомлю тебя? предложил он, пристально глядя на меня. Вижу, с английским у тебя порядок. Он усмехнулся и продолжил: А она тебя и тайскому научит, и возить будет по городу всё бесплатно. Только корми её и давай воду, как домашнему питомцу. Он заглянул мне в глаза своими стеклянными глазами, а лицо сморщилось в широкой улыбке. Поверь мне, сказал он, это проще, чем кажется. Я лишь хмыкнул, наблюдая за его уверенной, почти театральной манерой убеждать. В этом была его особая харизма одновременно шутка и наставление, которую трудно было игнорировать. Настя подбежала, мокрая от воды, и встала передо мной, стараясь отвлечь от Артурия, как будто у неё отняли игрушку. Ты обещал купаться со мной! сказала она требовательно. Я взглянул на неё уже другими глазами и подумал: «Гайки закручивает» Я обещал и сделал, ответил я, а дальше сама купайся. Она фыркнула, но, казалось, недовольная, что получила невнимание. Я продолжил тренировку. Молодец, сказал Артурий, улыбаясь. Девушек надо ставить на место. Пусть там, в России, нам мозги капают, а здесь отдых, Паттайя, понимаешь? Да что вы знаете! выкрикнула Настя и, зло шлёпнув по песку, ушла к морю. Я сосредоточился на упражнениях. Приходи в тренажёрку, сказал Артурий. Я тебя подтяну! Хожу к мистеру Чену, ответил я. Это вот сюда, левее, к самому Чену? удивился Артурий. Подсаживаешься ближе. Смотри, Рембо, какой персонаж появился на пляже ученик чемпиона! и засмеялся. У меня в голове отпечаталось слово «чемпион». Мистер Чен чемпион. И я стал тренироваться за себя. Артурий показал мне ещё пару движений, и я стал повторять их. В тени деревьев, в прохладе моря, это было совсем нетрудно. Пойду я поклюю что-нибудь, сказал Артурий. Эй, Рембо, что ты принес поесть? Может, с тобой поедем? обратился он к тайцу. Рембо подошёл к пакету и достал тарелку риса с кусочками курицы. Садись, поешь, а то сил не будет, пригласил Артурий, к чужой еде. Я сел, потому что действительно хотел есть. Настя подошла, капая морской водой на сухой песок, который скручивался мелкими шариками. Поешь с нами? предложил Артурий словно это он угощал. Не буду, капризно ответила она. Правильно, рассмеялся Артурий. Русским бабам надо беречь фигуру, а то разбарабанит! и громко расхохотался. Я не баба! возмутилась Настя и ушла в море. Мне стало за нее обидно но я промолчал жуя рис. Смотри, сейчас снова вернётся, говорил Артурий, смеясь и крошки риса падали с его рта прямо мне на ноги. И действительно Настя снова подошла. и продолжая капать водой. Стала возмущенная перед нами вставив руки в бока. Я же тебе говорил, что она запала на тебя продолжал Артурий издеваться над нею. Перестань серьезно сказал я ему. Отмолчав, он подмигнул Рэмбо.

Глава11

А я направился к тренажерке. Настя шла чуть позади, погружённая в свои мысли, словно хотела раствориться в тенях аллеи. Мы шли среди полуголых туристов: то тут, то там под ногами сплетались руки и тела женщины с мужчинами, мужчины с мужчинами, женщины с женщинами. Настя напряжённо обходила эти сцены, отводя взгляд, а я пытался понять их: что ими движет? Любопытство, страсть, безразличие или просто привычка к телесности? Всё это казалось одновременно чужим и притягательным, как если бы наблюдал за отдельным, непостижимым миром. Тренажёрка была пуста. Ты мне привёл клиента? спросил Джон после приветствия, разглядывая Настю. Она смутилась, села на лавочку и стала осматривать снаряды. Я промолчал и принялся работать с телом, и отбивая удары по груше. Постой, сказал Джон. Мне

поручено сделать тебе растяжку. Он уложил меня на коврик и стал аккуратно растягивать ноги. Я тоже хочу, сказала Настя. О, с радостью помогу тебе с разминкой, мне нравятся молодые девушки улыбнулся Джон. Настя удивлённо раскрыла глаза, не понимая, шутит он или говорит всерьёз. Сначала Джон помог ей размять ноги, показал правильное положение и технику растяжки. Только потом они начали упражнения на станке, запястье в ремне и канаты в разные стороны, чтобы безопасно улучшить гибкость. Настя с трудом удерживала положение, но делала всё, что требовалось, под его руководством. И когда ей растянули ноги в разные стороны и зафиксировали. Он произнес . Ну все парень она твоя . Я подошел привлеченный его речью. Настя сидела передо мной с максимально раздвинутыми ногами и не чего не могла поделать. Ее руки были заняты удержанием баланса тела. У края розового купальника виднелись виднелись тоненькие волоски . У меня встал. Настя испуганно смотрела мне в глаза . Ты что не смей кричала она. Я отвернулся и продолжил свои занятия . Джон сидел и посмеивался над ситуацией . Выпустите меня кричала она . Но старик показал на часы .Десять минут терпи красotka. Настя надувала щеки и терпела растяжку. Когда Джон отпустил её ноги, он заставил её поприседать и закрепить положение. Когда они закончили, Настя подбежала ко мне. Видно было, что у неё всё кипело от возмущения: Ты что, мне между ног заглядывал? Как ты смеешь? набросилась она, с претензией в голосе. Ты показала, я посмотрел, ответил я, продолжая тренировку. Сам удивлялся себе: я, робкий и застенчивый, в этой райской стране словно освобождался от внутренних запретов. С меня словно сняли оковы, и я распустил крылья. Настя вспыхнула от возмущения и выбежала из зала. Но когда я закончил тренировку, она уже сидела на бордюре и ждала меня. Я молча пошёл в Паттайя-парк. Зашёл в ларёк, взял курицу с рисом, а потом, посмотрев на неё, взял и ей. Мы ели, запивая манговым соком. Она восприняла это как должное, а я, боясь её разозлить, ел молча. Когда мы закончили, я поднялся: Может, рыбок поедим? предложила она. Я наелся, ответил я и пошёл в номер. Она пошла следом. В номере она протянула мне две тысячи бат: Вот, я продала твои вещи, сказала она с улыбкой. Я молча взял деньги и положил их на тумбочку, после чего пошёл в душ. Когда я вышел, она спросила: Можно твоим душем воспользоваться? Я кивнул и лёг на кровать. Девушки любят долго мыться. Вроде у всех людей тело одинаковое, но женщины почему-то проводят в ванной куда больше времени. Я не дождался её и уснул. Когда проснулся, она спала рядом, закутавшись в мою простыню. «Что за фигня», подумал я и пошёл в ванную. Там уже висел её купальник. Я умылся и разбудил её. Она открыла сонные глаза и испуганно посмотрела на меня, прижимая простыню к подбородку. Вставай, ты что тут ночлежку устроила? возмутился я. Да в номере соседка постоянно болтает по телефону, пожаловалась она. У тебя есть телефон? спросил я. Да. Ответила она. Спросил я ее машинально Дашь номер? Она завернулась в простыню, взяла телефон и продиктовала номер. В моём телефоне появился единственный и первый контакт. Тебе тоже никто не звонит? заметила она с лёгкой грустью. Я машинально ответил: Это тайский новый номер. Его никто не знает. Но наши взгляды встретились и в этом было понимание. Да, признался я. Мне некому звонить. Или ты от кого-то прячешься? спросила она с интересом. Странный ты какой-то. Это я странный? возмутился я. Это ты стоишь у моей постели и в моей простыне. Подумаешь, твоя постель, парировала она. Пожалел бедной девушке кроватку. Так между нами начиналась первая настоящая ссора. Я смотрел на неё и чувствовал раздражение, смешанное с чем-то другим непонятным и новым. Она тоже молчала. Слишком долго, как будто ждала, что я скажу ещё что-то. Или не ждала вовсе просто не уходила. Ты всегда так ведёшь себя? наконец спросила она. Как? Спросил я вызывающе. Будто тебе всё равно, а на самом деле ты всё замечаешь. выкрикнула она. Я усмехнулся, отвернулся к окну. За стеклом шумела Паттайя чужая, жаркая, беспорядочная. Мне правда всё равно, сказал я. Но сам себе не поверил. Она села на край кровати, всё ещё завернувшись в простыню, и посмотрела на меня уже без прежнего возмущения. Спокойнее. Внимательнее. Тогда почему ты не ушёл, когда я осталась? Вопрос завис в комнате. Я не ответил сразу. Потому что ответа не было. Или

он был слишком простым, чтобы его произносить вслух. Не знаю, наконец сказал я. Просто так вышло. Она кивнула, будто этого было достаточно. И вдруг стало тихо по-настоящему. Не как раньше напряжённо или раздражённо, а иначе. Как будто между словами образовалось пространство, в котором уже нельзя было врать даже себе. Я сел на край кровати, не глядя на неё. Ты странная, сказал я. Ты тоже, ответила она сразу. И впервые это прозвучало не как упрёк, а как факт. Почти как признание.

Глава13

Она замолчала, будто собираясь с силами, потом глубоко вздохнула: Я украла деньги у мамы и уехала сюда. И симку сменила. Поэтому никто не знает моего номера. В комнате повисла тишина. Я смотрел на неё и вдруг понял, что мне тоже больше нечего скрывать. Я тоже украл деньги у друзей, тихо сказал я. У меня нет мамы. И жить мне негде. Слова выходили сами, будто их давно кто-то держал внутри. Я жил на даче пока не стало холодно. Она смотрела на меня внимательно, уже без раздражения только с какой-то тихой, тяжёлой грустью. А почему ты не устроился на работу? спросила она мягко. А кто меня возьмёт? резко ответил я, даже сам не ожидая, что сорвусь. Я пытался. Сказали плати. А у меня нет денег. Отчим не даёт. Я замолчал на секунду, потом продолжил, уже тише: Мама умерла. Слова повисли в воздухе. Я даже телевизор вынес из дома отнёс им. Думал устроят. А они исчезли. Понимаешь? Просто исчезли. Ни телевизора, ни работы. Я усмехнулся, но без радости: Отчим выгнал меня. Я на даче. Я замолчал, будто внутри что-то оборвалось. Всё, что накопилось, вырвалось сразу и теперь осталось только пустое место. Она долго смотрела на меня, не отводя взгляда. И в этом взгляде уже не было ни насмешки, ни злости. Только понимание. И, может быть, впервые настоящее сочувствие. Она отвела взгляд, будто решаясь, говорить или нет. Пальцы её сжали край простыни. Я не просто деньги украла, тихо сказала она. Я ушла потому что дома уже нельзя было оставаться. Я не перебивал. Мама она запнулась. Она не плохая. Просто ей всегда было не до меня. Мужики, работа, свои проблемы. А я как будто лишняя. Она усмехнулась, но в этой усмешке не было ничего весёлого. Я могла не приходить домой ночевать она даже не замечала. Понимаешь? Вообще. Я медленно кивнул. И в какой-то момент я подумала если я исчезну, ничего не изменится. Вообще ничего. Тишина снова накрыла комнату. Она говорила спокойно, но за этим спокойствием чувствовалась усталость. Не сегодняшняя накопленная годами. Поэтому я и уехала. Просто проверить выживу ли я хоть где-то. Я смотрел на неё и вдруг понял она говорит не про город, не про страну. Она говорит про жизнь. Мы замолчали. Долго. Слишком долго, чтобы это было просто паузой в разговоре. Она сидела рядом, всё ещё завернувшись в простыню, и уже не пряталась. Я тоже не отворачивался. И в какой-то момент стало ясно мы оба здесь не случайно. Два человека, которым некуда возвращаться. Я протянул руку неуверенно, почти неловко и коснулся её пальцев. Она не отдернула. Наоборот чуть сжала в ответ. И в этом коротком, тихом жесте было больше, чем во всех словах до этого. Ни обещаний. Ни объяснений. Просто понимание, что мы оба больше не одни. Я украл эти вещи продолжил я признание. Да я поняла сказала она обыденно. вещи чужие видно сразу. И вдруг всё оборвалось. С улицы ворвался резкий крик, потом смех, затем грохот мотоцикла будто кто-то специально напомнил, где мы находимся. Паттайя снова ворвалась в комнату шумом, жарой и чужими голосами. Настя вздрогнула и резко убрала руку. Чёрт пробормотала она, будто очнувшись. В этот момент в коридоре хлопнула дверь, кто-то громко заговорил на ломаном английском, послышался женский смех слишком громкий, слишком показной. Я не хочу так, вдруг сказала она, вставая. Как? не понял я. Вот это всё она махнула рукой, будто имея в виду и комнату, и улицу, и нас. Слишком быстро. Слишком странно. Я почувствовал, как внутри снова поднимается раздражение. А чего ты хотела? резко ответил я. Ты сама сюда пришла. Она посмотрела на меня уже совсем другим взглядом. Не тем, что был минуту назад. Да, пришла, сказала она. Но это не значит, что я обязана оставаться. Ну и не оставайся, бросил я. Слова прозвучали грубее, чем я хотел. Она замерла на секунду, будто

ожидая, что я что-то добавлю. Что остановлю. Но я молчал. И она отвернулась. Быстро сбросила простынь и не обращая внимания на свою наготу пошла в ванну одеваться, уже не глядя на меня. Я проводил взглядом ее уже белую попку в контрасте с телом которое подзагорело. У меня снова встал. В комнате стало пусто, хотя она всё ещё была здесь. Ты странный, тихо сказала она, уже у двери. И наблюдая Мою эрекцию. Ты извращенец. Ты тоже, ответил я. Она усмехнулась коротко, без тепла и вышла. Дверь хлопнула. Я остался один.

Глава14

Снаружи продолжала шуметь Паттайя как ни в чём не бывало. А внутри вдруг стало слишком тихо. Накинув какие-то вещи, я вышел на пляж. Вода была тёплой. Я зашёл в море, поплыл, сделал большой круг и вернулся к берегу, тяжело дыша. Руки устало обвисли, в теле приятно ныло после нагрузки. О, как дела, спортсмен? услышал я голос Артурий. Он сидел рядом с Рэмбо и выглядел довольным жизнью. Нормально, ответил я, переводя дыхание. Смотри, кого я тебе привёл, с гордостью сказал Артурий. Вот, будешь теперь нормальным парнем с девушкой. Он вытянул из-за спины симпатичную азиатку. Бери, от сердца отрываю, продолжал он, явно наслаждаясь ситуацией. Он отдавал ее как не нужную собачонку. Рэмбо что-то поддакивал ему на своём, слегка покачиваясь. Похоже, он уже был подвыпивший глаза блестели, улыбка расплывалась, слова терялись. Девушка тоже улыбалась, разглядывая меня без стеснения. Она была невысокая, мне по плечо, с длинными окрашенными волосами и дерзким макияжем. Черты лица острые, выразительные. Зубы ровные и белые, и она не стеснялась улыбаться широко, почти вызывающе. Грудь была высокой и выделялась на худом теле. Я смотрел на неё и вдруг поймал себя на странном чувстве. Слишком всё было просто. Слишком легко. Я смотрел на неё, а в голове почему-то всплывала Настя. Не лицо ощущение. Её взгляд, когда она злилась. Как сжимала губы. Как говорила резко, а потом вдруг замолкала, будто сама себя останавливала. А эта улыбалась. Легко. Без усилий. Будто так и надо. Ну что, нравится? подмигнул Артурий. Одно плохо по английский знает так по мелочам но зато есть свой байк. Мало ест и мало болтает по телефону. Будет делать все что ты скажешь. Я не ответил. Девушка подошла ближе, почти вплотную. От неё пахло чем-то сладким, приторным. Она провела пальцами по моей руке уверенно, как будто знала, что делает. Я не отдернулся. Но и не двинулся навстречу. Потому что внутри что-то упиралось. Настя бы так не сделала. Она бы сначала посмотрела. Оценила. Оттолкнула. Сказала что-нибудь резкое. С ней было сложно. С этой слишком просто. Бери, не думай, засмеялся Артурий. Жизнь одна. «Жизнь одна» Промелькнуло у меня в голове. Осталось только восемь дней потом расплата. Я вдруг понял, что именно это меня и отталкивает. Будто мне предлагают не человека, а готовый ответ. Без вопросов. Без риска. Девушка снова улыбнулась широко, открыто. А я смотрел и не чувствовал ничего. Только усталость. И где-то глубоко раздражение. Не на неё. На себя. Потому что ещё час назад я держал за руку человека, с которым было сложно, но по-настоящему. А сейчас стоял здесь, и мне предлагали заменить это чем-то лёгким. Слишком лёгким. Я провёл рукой по мокрым волосам, вздохнул и сделал шаг назад. Хорошо, сказал я. А я что-то должен заплатить? Артурий улыбнулся своими стеклянными глазами, сморщив всё лицо, будто это был самый простой вопрос в мире. В этом мире за всё надо платить, произнёс он с видом человека, который всё давно понял. Паттайя такая. Не заработаешь не проживёшь. Сколько? спросил я, напряжённо вглядываясь в него. Он даже не задумался: Сто долларов хватит. Я прикинул. Сумма не казалась большой. Скорее, дело было не в деньгах. Но внутри всё равно что-то неприятно сжалось. Я кивнул. Мы стукнули по рукам. Артурий наклонился ближе, понизив голос: Слушай внимательно. Ее зовут Ми. Не теряй контроль. Держи всегда рядом с собой. Не раздавай лишних денег. И не привязывайся. Воспринимай ее как домашнее животное. Он говорил так, будто объяснял правила игры, в которой люди фигуры. Я смотрел на него и постепенно переставал понимать, где здесь жизнь, а где просто чей-то циничный сценарий. Паттайя не про чувства, добавил он. Здесь либо ты управляешь, либо тобой. Я ничего не ответил. В

груди появилось странное ощущение не злость и не согласие. Скорее пустота, в которой его слова звучали слишком громко. И где-то внутри снова всплыло лицо Насти не как воспоминание, а как вопрос, на который у меня пока не было ответа. Я встал и пошёл в тренажёрку. Сзади раздался гудок. Тайка уже сидела на байке и улыбалась, ожидая меня. Привыкай! крикнул Артурий и что-то добавил ей на тайском. Я сел позади неё, осторожно обняв за талию. Байк мягко тронулся. Тёплый ветер ударил в лицо, и на секунду стало легко будто всё происходящее было просто частью какого-то странного сна. Тело её было упругое, живое, уверенное в движении. Она вела байк спокойно, без суеты, будто знала город наизусть.

Глава 15

Когда мы приехали, она припарковала байк и осталась ждать снаружи. Я вошёл в зал и начал разминку. Вот молодец, одобрительно сказал старый Джон. Взял себе нормальную девушку. Он усмехнулся, но в его голосе было больше привычного цинизма, чем реальной оценки. Теперь у тебя и колеса есть и руки и теплая дырочка сказал он смеясь. Бор ты стал настоящим фарангом поздравляю тебя. Он крикнул ей что то на тайском она подошла к нему сложила ладони у лица поклонилась ему и они продолжили беседу на тайском. Я ничего не ответил и продолжил упражнения. Слова застряли где-то внутри, не вызывая ни радости, ни гордости только странное ощущение, что меня снова пытаются вписать в какую-то чужую схему жизни. А я всё ещё не понимал, моя ли это вообще история. Ты знаешь, Бор, что она по-английски только «пожрать» может попросить? спросил старый Джон, усмехаясь. Да, крикнул я, не отвлекаясь от занятий. Он что-то довольно хмыкнул и тут же принялся объяснять ей слова на своём английском, переходя время от времени на тайские фразы. Девушка с интересом включилась в обучение внимательно слушала, повторяла, иногда смеялась, если что-то не получалось. Позже в зал зашёл мистер Чен. Девушка сразу оживилась: быстро поднялась, сложила ладони перед лицом и слегка поклонилась. Чен повторил жест, и между ними завязался короткий обмен фразами спокойный, почти тёплый. Я наблюдал со стороны и думал: у них что, нет осуждения проституции? Или это просто другая философия жизни, где люди не торопятся навешивать ярлыки? Чен поздоровался и со мной. Кивнул, как будто одобрил происходящее. Даже похвалил спокойно, без лишних эмоций, словно это была обычная часть жизни, а не что-то, что нужно оценивать. И от этого стало ещё непонятнее. Я сделал здесь что-то важное? Или просто оказался внутри чужой логики, которую пока не до конца понимаю? Началась тренировка. Чен работал со мной жёстко: сначала отрабатывали удары на лапах, потом он снова «включал» спарринг и валил меня на пол, заставляя подниматься снова и снова. В какой-то момент он протянул руку, помог мне встать и коротко сказал: Сегодня будет бой. Приходи обязательно. Потом он что-то сказал девушке на тайском и ушёл. Мы вышли из зала. Я сел позади неё, и она повезла меня в отель. На ресепшене она подошла к администратору, показала документы, что-то объяснила и вопрос быстро решился. Но айди карту у нее забрали. Она восприняла это как должное. Мы поднялись в номер. Ми быстро освоилась в пространстве: пока я принимал душ, она аккуратно прибралась, сложила вещи, убралась в комнате. Когда я вышел, номер уже выглядел совсем иначе чище, спокойнее. Я на секунду остановился, осматривая комнату, понимая, как быстро она умеет создавать порядок вокруг себя. И понял что приобрел не только зверушку но и пылесос. Ми подскочила ко мне с лёгкой улыбкой, будто ей самой было приятно это сделать, и жестом показала, что всё готово. Она смотрела на меня живо, с каким-то озорным спокойствием, будто уже чувствовала себя здесь не гостем, а частью этой маленькой временной жизни. Затем она стянула с меня полотенце и сняла футболку оставшись голой. Она прижалась ко мне и поцеловало и это было так обыденно словно мы знали друг друга давно. Мой член встал. Она присела на корточки и запросто взяла его в рот. Как это было приятно. Затем мы переместились на кровать. Она что то говорила и я с трудом понимал ее. Но возбуждение было на столько сильно что я сразу вошел в нее и кончил. Она была прекрасна. ее не с кем было сравнить. Мягкая удобная и приятная во всем. Затем она снова

облизала его и высосала остатки. Словно это был обязательный ритуал. Да подумал я это не собачонка а пылесос. Она спокойно пошла в душ словно просто помыла посуду. Но мылась она тоже долго. Когда она вышла . порылась в моих вещах нашла подходящую одежду и сказала гоу и что то на тайском .Я молча кивнул, всё ещё привыкая к тому, как быстро всё меняется вокруг меня в этой стране. Мы ехали по ночной Паттайе по шумным, влажным улицам, пропитанным запахами еды, выхлопов и моря. Байк легко лавировал между машинами и пешеходами, проскакивая в узких промежутках, где, казалось, не было места даже для воздуха. Полицейские, стоявшие у перекрёстка, лишь лениво улыбнулись ей. Машины спокойно уступали дорогу, будто её здесь действительно знали все. Я отметил это про себя, но ничего не сказал. Город жил своей отдельной жизнью хаотичной, но в то же время удивительно привычной для тех, кто в ней давно растворился.

Глава16

И вдруг среди вывесок, неоновых огней и мелькающих витрин я увидел знакомую надпись: “Thai Boxing Muay Thai” Ну вот подумал я, уже понимая, что приехал. Зал оказался больше, чем я ожидал. Высокий арочный потолок, яркий свет над рингом, запах пота, мазей и старого дерева. В углу гул вентиляторов, перекрывающийся криками зрителей и глухими ударами лап. Люди стояли вплотную к рингу: туристы, местные, кто-то с напитками, кто-то с камерами. Разговоры смешивались в один шумный фон, как будто зал дышал одновременно со всеми. Когда я вошёл, на секунду стало тише не полностью, но так, как бывает, когда кто-то новый выходит на сцену. Кто-то кивнул, кто-то продолжил говорить, но внимание уже собралось в одну точку. Ми что то сказала администратору и нас усадили у ринга. Боец поднялся на ринг. Соперник уже был там , плотный, спокойный. Он не смотрел по сторонам. Только на противника. Рефери поднял руку, что-то сказал, публика зашумела сильнее. И бой начался. Сначала осторожно. Они прощупывали друг друга. Лоу-кики, финты, короткие удары. Его движения были резкие, экономные. Они не тратили лишнего. Боец поймал первый удар по ноге глухой, тяжёлый, будто выбили опору. Зал сразу отреагировал кто-то вскрикнул, кто-то засмеялся, кто-то хлопнул в ладоши. Дальше всё стало быстрее. Боец начал работать корпусом, входить ближе, отвечать ударами. Несколько раз они столкнулись в клинче коротком, жёстком, где не было ни красоты, ни пафоса, только давление и борьба за позицию. Каждый раз, когда он попадал, зал взрывался криками. Каждый раз, когда попадали по нему тоже. Это не было похоже на спорт с трибун. Это было похоже на зрелище, где тебя оценивают не за технику, а за то, сколько ты выдержишь. В какой-то момент он поймал его коленом в корпус. Воздух вышел резко, как будто его выдернули. Он отступил на шаг, потом ещё один. Шум зала стал глуше. И в этой тишине внутри головы осталось только одно не сдаваться. Он сделал шаг вперёд. Удар. Ещё один. Он ответил, но уже не так уверенно. Я почувствовал, как бой начинает менять направление. Не резко медленно, как наклон чаши весов. И зал это тоже почувствовал. Гул стал другим. Более живым. Более заинтересованным. Теперь они уже не просто смотрели. Они ждали, чем всё закончится. Мы посмотрели ещё с десятков боёв, прежде чем в зале появилось настоящее оживление вышел Мистер Чен. Зал сразу отреагировал. Ему аплодировали, свистели, кто-то вставал со своих мест. Было ощущение, что его здесь знают все и знают давно. Люди делали ставки, переговаривались, но даже без слов было ясно: Чен явный фаворит. Когда начался бой, он сразу задал темп. Но странно он не спешил заканчивать. Он двигался спокойно, контролируя дистанцию, позволяя сопернику работать, будто сознательно оставлял пространство для зрелища. Бой продлился все три раунда и только потому, что Чен сам этого хотел. Он как будто давал публике насмотреться, прочувствовать каждое движение, каждую смену ритма. В финале он перехватил соперника в клинче, мягко, но уверенно, вывел его из равновесия и взял на болевой приём. Без лишней жестокости, без демонстрации силы. Только контроль. Соперник постучал почти сразу, и Чен тут же отпустил его, не доводя до травмы. Публика взорвалась аплодисментами. А он лишь спокойно кивнул будто это была не победа, а

обычная работа, сделанная точно и вовремя. Я смотрел на Мистер Чен и ловил себя на странном чувстве. Его бой был спокойным. Почти тихим внутри, несмотря на шум зала. Он не суетился, не доказывал, не ломал себя в каждом движении он просто управлял происходящим. А наши тренировки .Тяжёлое дыхание. Резкие рывки. Постоянное ощущение, что я догоняю, что я на шаг позади. Каждое движение как борьба не только с соперником, но и с самим собой. И от этой мысли стало немного неприятно. А потому что я впервые увидел разницу между тем, кто умеет драться и тем, кто умеет не терять себя в драке. Я отвёл взгляд от ринга. И почему-то снова вспомнил Настю. Не как картинку а как вопрос, который всё ещё не получил ответа.

Глава17

Мы вышли из зала в густую, тёплую ночь Паттайи. Воздух сразу ударил в лицо влажный, тяжёлый, пропитанный запахами жареной еды, бензина и моря. Гул города не стихал ни на секунду: музыка из баров, смех, моторы байков, крики зазывал всё смешалось в один бесконечный шум. Ми шла рядом спокойно, будто этот хаос был для неё привычной средой. Она иногда оборачивалась на витрины, на огни, на людей, но без суеты просто наблюдала. Я шёл молча. В голове всё ещё стоял ринг. Движения Мистер Чен. Его спокойствие. Его контроль. И чем дальше мы уходили от зала, тем сильнее это чувство расходилось внутри. Будто во мне жили два разных человека: один только что вышел из боя, другой пытался понять, куда всё это ведёт. Ми вдруг слегка коснулась моего локтя, привлекая внимание, и что-то сказала на своём языке, потом улыбнулась, заметив, что я не понял. Я кивнул просто так, автоматически. И в этот момент поймал себя на мысли: с ней всё просто. Слишком просто. Она рядом, она улыбается, она идёт со мной без вопросов, без сложных пауз, без внутреннего напряжения, которое я привык чувствовать с другими. И именно это почему-то начинало радовать. Я вспомнил Настю. Её резкость. Сомнения. Взрывы эмоций. Как будто она постоянно проверяла границы мои и свои. С ней было сложно. Но живо. А с Ми спокойно. Почти слишком спокойно. Мы свернули на более тихую улицу. Свет стал мягче, музыка дальше, воздух чуть пустее. Ми шла чуть впереди, оборачиваясь на меня время от времени, будто ждала реакции. А я всё больше чувствовал, что стою между двумя мирами: один понятный и лёгкий, другой сложный, но настоящий. И я пока не знал, какой из них мой. Мы подошли к байку, и я просто сел. Она не спрашивала ничего завела его и повезла меня дальше. Скоро мы оказались на базаре. Въехали прямо в его живое сердце. Люди текли плотным потоком, легко огибая нас, не возмущаясь, не злясь. Они просто улыбались. Это был какой-то другой мир мир людей без претензий друг к другу. Она нашла место и припарковала байк. Что-то крикнула парковщику, тот сложил ладони у лица и поклонился ей. Она ответила тем же легко, почти автоматически. Это выглядело как привычный ритуал. Потом она взяла меня за руку и повела сквозь поток людей, будто точно знала, куда идёт. Я просто шёл следом. Вокруг были запахи, лица, шум, жар, дым еды. Всё смешалось в плотную, живую ткань города. И вот мы пришли к большим котлам с каким-то варевом. Из кипящей жидкости торчали неясные части животных ноги, кости, рога. Она сделала заказ, затем повела меня к столикам. Усадила и сказала: *Hundred baht*. Я молча протянул ей двести. Она кивнула и ушла. И в этот момент в голове всплыли слова Артурий: *«не давай много денег»*. А сколько это много? Она ездит на байке. Значит, у неё есть свои расходы, своя жизнь, своя логика. И мне даже не хотелось разбираться, откуда у неё деньги и как всё это устроено. Это была не моя система. Это была их жизнь с их правилами, их спокойствием, их философией. И, странно она мне начинала нравиться. Не потому что я её понимал. А потому что рядом с ней на время исчезал шум вопросов. Она быстро вернулась с двумя соками и тарелкой фруктов. Среди них я заметил арбуз и взял кусочек. С лета не ел арбуза того самого, который всегда любил. Вскоре принесли еду. Ми спокойно принялась есть, уверенно и без лишних движений, как будто это было для неё совершенно естественно. Я попробовал первое блюдо и тут же поднял брови. Во рту вспыхнул адский перец. Всё жгло, горело, пульсировало. Я закашлялся, выпучил глаза, пытаюсь справиться с огнём внутри. Запил соком, но легче почти

не стало кашель не проходил. Ми резко вскочила, схватила салфетки и убежала от меня, будто я превратился в какого-то дракона, изрыгающего огонь. Но вскоре вернулась уже с бутылкой пива. Протянула её мне с лёгкой улыбкой. Я сделал глоток холодного напитка и будто вернулся в тело. Стало легче. Я благодарно посмотрел на неё. Вокруг тайцы улыбались, посматривали в мою сторону и переговаривались между собой. Ми отвечала им с шутками, легко, уверенно. Её здесь явно знали и принимали. Никто не смотрел на неё с осуждением наоборот, в их взглядах было что-то вроде уважения или даже радости за неё. Мне принесли суши, и я с удовольствием их съел, запивая пивом. А Ми тем временем спокойно опустошила две тарелки варева и довольно облизнулась. Я невольно усмехнулся, глядя на неё. И это она «мало ест» подумал я. Она посмотрела на меня и сказала по-английски: Good. Tasty. Потом повторила то же самое на тайском, с гордой улыбкой. И так мы начали учить язык не по правилам и учебникам, а просто между ложками, взглядами и смехом. Мне понравился этот ночной базар. Здесь почти не было русской речи, и от этого всё ощущалось иначе более атмосферно, живо, будто ты попал в настоящий, а не туристический мир. Без агрессии, без привычных грубых слов и раздражения. Здесь люди не кидались словами они просто жили рядом друг с другом. И в этом было странное спокойствие. Ми, выучив несколько слов, которые посчитала нужными, повела меня дальше по рядам. Когда мы дошли до отдела женского белья, она вдруг остановилась. Посмотрела, подумала и спокойно выбрала себе несколько вещей, будто это было абсолютно естественно. Потом, немного поколебавшись, взяла и мне пару вещей. Она действовала уверенно, почти хозяйски как человек, который знает размеры, привычки и вообще всё лучше, чем ты сам. Я просто молча протягивал ей деньги. Она торговалась за каждую мелочь с таким азартом, будто это был отдельный спорт. А потом с гордостью показывала мне «выбитую» скидку, как трофей. И в этом было что-то очень живое и тёплое не про деньги, не про покупки, а про участие в одном общем процессе, где она вдруг брала на себя роль проводника, а я просто шёл рядом. Мы шли дальше по ночному базару уже медленнее.

Глава 18

Шум вокруг оставался прежним жар, запахи еды, огни ламп, голоса на разных языках но внутри всё это как будто отодвинулось на второй план. Ми иногда отпускала мою руку, чтобы что-то показать или потрогать на прилавке, но почти сразу снова находила мою ладонь естественно, без паузы, как будто так и должно быть. Я ловил себя на том, что уже не считая это странным. Мы остановились у лотка с напитками. Она что-то объяснила продавцу, потом повернулась ко мне и коротко улыбнулась не широкой улыбкой, как раньше, а спокойной, почти домашней. Она купила мне арбузный сок. Я взял стакан и сделал глоток. Холод прошёл по горлу, и на секунду стало тихо внутри. Это был жидкий арбуз. С ярким и насыщенным вкусом. Она стояла рядом, чуть ближе, чем нужно для просто «знакомых». Не демонстративно случайно. Как будто расстояние между нами само собой сократилось. Он ловила мой восхищенный взгляд и радовалась со мной. Мы пошли дальше, и я заметил, что уже не ищу глазами выходы, не считаю людей вокруг, не оцениваю шум. Просто иду рядом с ней. Иногда наши плечи слегка касались, и ни один из нас не отодвигался. Это было не похоже на то, что обычно называют романтикой. Не было слов, не было признаний, не было даже попытки что-то объяснить. Но было ощущение, что если сейчас остановиться и просто постоять в этом месте ничего не разрушится. И это странно пугало. Потому что я привык к тому, что всё либо сложно, либо временно. А здесь вдруг появилось что-то другое. Ми посмотрела на меня, будто хотела что-то сказать, но передумала. Только чуть сильнее сжала мою руку на секунду. И снова отпустила, будто ничего не произошло. Но я это почувствовал. И почему-то запомнил сильнее, чем весь этот шумный рынок вокруг. Закончив с покупками, мы пошли к байку через уже поредевшую толпу. Парковщик, увидев нас, молча выкатил байк. Мы сели и поехали обратно. На въезде в Паттайя-парк стояли полицейские. Они останавливали байки в основном русских, которые шумели, спорили, возмущались. Но полиция оставалась спокойной: просто забирала ключи, у

кого-то снимала номера, особенно с дорогих байков. Их никто не слушал. Но нас даже не останавливали. Наоборот будто заметили издали, раздвинули конусы и пропустили. Хотя мы ехали без касок. Я отметил это, но ничего не сказал. Припарковав байк, Ми сразу прошла на ресепшен и она показала свою ID-карту и оставила у них. Мы поднялись в номер. И в этот момент я краем глаза увидел Настю. Она стояла в стороне, за углом, и наблюдала за нами. Недолго. Почти незаметно. Я не успел понять её взгляд и она уже скрылась. В номере Ми высыпала покупки на кровать и с увлечением начала примерять новые вещи, называя их на тайском. Я повторял за ней уже на английском, иногда путая слова, иногда смеясь сам над собой. Она поправляла меня, тоже смеясь. Мы смеялись вместе, без причины, просто от лёгкости момента. И мне действительно было хорошо с ней. Не громко. Не бурно. А спокойно так, как будто жизнь на время перестала требовать объяснений. Когда она осталась в новых кружевных трусах она поймала мой возбужденный взгляд. Она подошла ко мне играя высокой круглой грудью с темными сосками. И уткнулась ими в мое лицо обдавая запахом женского тела. Затем вытащила мой член и сдвинув трусики запустила его в себя только на мгновение. Потом озорно отскочила и принялась танцевать. Но я уже завелся. Она отскочила к тумбе и выставив свою попку призывно посмотрела на меня. Приспустив трусики я вошел в нее и в первый раз кончил в девушку в положении сзади. Легонько оттолкнув меня она присела и отсосала мне все остатки нашей близости. Мне было до чертиков хорошо. от близости. От ее взгляда и отношения ко мне. Она выбрали вещи себе и мне. И мы переоделись. Мы ещё смеялись, когда в номер без стука вошёл Артурий. Он остановился на пороге, окинул взглядом комнату, разбросанные покупки, Ми, меня и усмехнулся так, будто всё уже понял заранее. О, протянул он. Семейная идиллия. Быстро ты устроился. Я замолчал. Ми тоже на секунду перестала улыбаться, но тут же снова сделала вид, что занята вещами, будто не придавала значения его тону. Артурий прошёл внутрь, не торопясь, сел на край стула и вытянул ноги. Паттайя любит такие истории, сказал он спокойно. Сегодня ты смеёшься, завтра не знаешь, где проснёшься. Зачем ты пришёл? спросил я. Он пожал плечами. Посмотреть, как ты тонешь. Или плывёшь. Тут уж как повезёт. Комната вдруг стала теснее. Как будто воздух изменился. Артурий кивнул в сторону Ми: Ты думаешь, это всё просто? Улыбки, байки, базары. Он усмехнулся. Здесь всё временное. Даже люди. Особенно люди. Я почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Не резкое тяжёлое, вязкое. Ми тихо положила вещи на кровать и посмотрела на меня, будто ожидая реакции. Но я не знал, что сказать. Артурий поднялся, подошёл ближе и уже тише добавил: Только не привязывайся. Это единственное правило, которое здесь реально работает. Он развернулся к выходу так же спокойно, как и вошёл. И уже у двери бросил через плечо: А то потом будет больнее. Дверь закрылась. И в комнате снова стало тихо. Но теперь эта тишина была другой не тёплой, как раньше, а напряжённой, как перед дождём. Тишина после ухода Артурий держалась недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.